

Методы дискурсивного производства «нормального субъекта» и практики дестигматизации на примере самиздат-прессы гендерных диссидентов в 1989–1999 гг.

Анна Владимировна Головина — стажер-исследователь Центра прикладной истории Института общественных наук РАНХиГС, Москва, Россия; e-mail: golovina-av@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-0310-1128

Ключевые слова: дискурс, дискурсивные практики, нормализация, девяностые, гендерный режим, сексуально-гендерные диссиденты

В историографии девяностые годы часто рассматриваются как так называемый «переходный» или транзитный период, во время которого кардинальной трансформации подвергалась не только политико-экономическая сфера, но и дискурсивное пространство. Внутри него нормы, посредством власти-знания гегемонного дискурса, должны были смениться большим плюрализмом позиций в том числе и в сфере гендерных отношений, в частности, за счет более либерального отношения к теме сексуальности и телесности. Одним из ресурсов формирования нового дискурса, связанного с проблематикой гендера, стала самиздат-пресса, широко распространившаяся в 1990-е годы. Для представителей ранее маргинализованных сообществ, например, сексуально-гендерных диссидентов, такая пресса становилась пространством дискурсивного формирования новой не-маргинализованной идентичности и местом развития альтернативного дискурса. В статье представлены результаты анализа 115 экземпляров самиздат-прессы сексуально-гендерных диссидентов посредством дискурс-анализа Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, а также критического дискурсивного анализа Нормана Фэркло. В результате анализа источника были определены узловые точки дискурса

подобной прессы, среди которых можно выделить такие точки, как: «гомосексуализм», «сообщество», «Запад», «уголовное преследование». Для каждой из точек были выделены ключевые знаки, а также понятия, касающиеся формирования идентичности и социальной группы. В статье приведены результаты по узловой точке «гомосексуальность», так как именно она стала основным дискурсивным пространством формирования альтернативного дискурса. Основной вывод заключается в том, что дестигматизация реализовывалась по типу нормализации в модели управления стигмой, в то время как аналогичное сообщество в США выстраивало собственную самоадвокацию в соответствии с стратегией дифференциации.

Благодарности: Миськовой Елене Вячеславовне и Архиповой Марьяне Николаевне за помощь и поддержку в работе с темой практик маргинализации сексуально-гендерных диссидентов в позднесоветское время и в 1990-е годы. А также владельцу частного архива, предоставившему источники для анализа.

НЕСМОТЯ НА ТО, НАСКОЛЬКО ЧАСТО термины «дискурс» и «дискурсивный» фигурируют в социальных науках, сформулировать единое определение для этого слова все еще вряд ли представляется возможным. Введенный в 1953 году постструктуралистом Зелигом Харрисом¹ «дискурс» продолжил свою жизнь внутри многих слов, а особенно широко известен стал после обращения на него прицельного внимания со стороны Мишеля Фуко. Для него дискурс выступал в качестве некой системы идей/знаний, которая могла существовать вне зависимости от конкретного субъекта говорения². Внутри него присутствуют практики, которые позволяют буквально создавать с помощью слов знание о реальности³, нормирующие наше представление о том, кто и что вообще может быть помыслено в качестве объекта или феномена, кто имеет возможность говорить, какими

¹ Скребцова Т. Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика. Курс лекций / Т. Г. Скребцова. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 312 с. – ISBN 978-5-907290-15-0.

² Stoddart M. C. J. Ideology, hegemony, discourse: A critical review of theories of knowledge and power / M. C. J. Stoddart // *Social Thought & Research*. – 2007. – No. 28. – P. 191–225. – <https://doi.org/10.17161/STR.1808.5226>.

³ Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хархордин. – СПб.: Изд-во. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с. – ISBN 978-5-94380-078-8.

понятиями он может оперировать, каким образом проводить границу между ними⁴. Дискурсивные практики не существуют сами по себе, они тесно связаны с властью (так называемые власть-знание) и ее контролем над поведением и желаниями индивидов⁵. Так называемые серьезные речевые акты, впоследствии получившие название «гегемонных дискурсов» у Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф⁶, часто воспринимаются в обществе как «истина» и не подвергаются кардинальному пересмотру.

Однако гегемонные дискурсы все же главенствуют не всегда. Даже в ситуациях, когда длительное время один тип дискурса был господствующим, наступают исторические ситуации и периоды, способствующие возникновению дискурсивного плюрализма и выстраиванию контргегемонистских позиций. Сам Мишель Фуко утверждал, что любой гегемонный дискурс одновременно с тем, что он является механизмом власти, может стать и отправной точкой для формирования сопротивления противоположной стратегии⁷. Его идею впоследствии развила Джудит Батлер. Размышляя о воздействии гегемонного дискурса, она обратила внимание на то, что любое нахождение «под запретом» внутри гегемонных представлений позволяет обрести место субъекта, пусть даже и «запрещенного», из позиции которого может быть «артикулировано нечто вроде противодействующего дискурса», то есть дискурса, оппонирующего гегемонным и предлагающего альтернативные точки зрения⁸.

В недавней отечественной истории существует наглядный пример эпохи, в которой произошел кардинальный слом и перестройка дискурсивных практик, — так называемые девяностые. Часто они рассматриваются в качестве транзитного периода, наступившего после завершения существования авторитарного политического режима⁹, временем установления рыночной экономики, демократических

⁴ Там же.

⁵ Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. — М.: Касталь, 1996. — 448 с. — ISBN 5-85374-006-7.

⁶ Stoddart M. C. J. Ideology, hegemony, discourse: A critical review of theories of knowledge and power / M. C. J. Stoddart // *Social Thought & Research*. — 2007. — No. 28. — P. 191–225. — <https://doi.org/10.17161/STR.1808.5226>.

⁷ Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. — М.: Касталь, 1996. — 448 с. — ISBN 5-85374-006-7.

⁸ Батлер Дж. Имитация и гендерное неподчинение / Дж. Батлер // *Техника «косого взгляда»*. Критика гетеронормативного порядка / Градинари И. (сост.). — М.: Издательство Института Гайдара, 2015. — С. 77–119. — ISBN 5-91129-410-4.

институтов, политического плюрализма. Именно в это десятилетие произошло изменение и дискурсивного порядка, который еще в советское время успел стать источником поддержания господствующей идеологической парадигмы. Как отмечал Алексей Юрчак, падение Советского Союза привело к крушению сформировавшегося ранее авторитетного дискурса¹⁰, что создало пространство для критики и появления плюрализма мнений. Постсоветский дискурс 1990-х годов должен был стать местом для проявления альтернативных позиций, которые предлагали бы иные представления о «хорошем» и «плохом», «нормальном» и «ненормальном», ведь даже на государственном уровне ранее критикуемый западный путь развития, непредставимый в качестве образца для подражания, стал рассматриваться не только как желаемый, но и как обязательный для целого государства. В результате в 1990-е годы в дискурсе происходили многочисленные изменения оценок, позиций, распространяемого «экспертного мнения». И поэтому дискурс «девяностых» стал пространством, где субъекты, ранее лишенные права публичного говорения или обладавшие стигматизированной идентичностью, могли создать собственную дискурсивность, направленную в том числе на нормализацию своего статуса и обретения влияния.

Действительно уникальным статусом в позднесоветское и транзитное время обладали сексуально-гендерные диссиденты¹¹ — люди, обладавшие негетеросексуальной сексуальной ориентацией или сексуальным поведением и нецисгендерной гендерной идентичностью¹². Бывшие ранее маргинализированными советской властью,

---

⁹ Карл Т. Л. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) / Т. Л. Карл, Ф. Шмиттер // Полис. Полит. исслед. – 2004. – № 4. – С. 6–27. – <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.04.02>.

¹⁰ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось / А. Юрчак. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с. – ISBN 978-5-4448-0190-1.

¹¹ Термин «сексуально-гендерные диссиденты» используется наравне с термином «квир» в качестве зонтичного. Первое употребление термина встречается в пионерской работе историка Дана Хили «Гомосексуальное влечение в революционной России. Регулирование сексуально-гендерного диссидентства», кроме того, понятие встречается и в западной литературе в формулировке *sexualdissidence* в работах как о сексуальных перверсиях, так и о квир-повестке.

¹² 30 ноября 2023 года по решению Верховного суда РФ «Международное общественное движение ЛГБТ» было признано в Российской Федерации экстремистской организацией. Настоящий материал не содержит в себе призыва к участию в деятельности экстремистской организации, не является пропагандой отдельных взглядов, форм поведения, самоидентификации.

в 1990-е они получили возможность, с одной стороны, публично заявить о себе, а с другой — открыто противостоять маргинализации. В связи с этим для того, чтобы больше понять о столкновении ранее гегемонного и нового, альтернативного, дискурсов, а также проанализировать, как именно дискурсивная нормализация могла работать в постсоветское время, актуально проанализировать то, как сексуально-гендерные диссиденты создавали противоборствующий альтернативный дискурс и к каким стратегиям они прибегали для нормализации своей идентичности.

Чтобы достичь этого, было проведено исследование, цель которого состояла в выявлении и описании дискурсивных методов нормализации идентичности сексуально-гендерного диссидента, которые практиковались в самиздат-прессе этого сообщества в 1989–1999 годах. Источником для анализа стали материалы прессы, хранящейся в частном архиве, который включает в себя 100 отдельных изданий газет и журналов, а также многочисленные вырезки статей и заметок, датированных 1990–2000 годами. Источники были проанализированы с помощью метода критического дискурс-анализа Нормана Фэркло, что предполагало обращение внимания на то, как создаваемые гендерными диссидентами политические высказывания распространялись, создавались и потреблялись читателями прессы.

Ранее маргинализованные. Советский дискурс о сексуально-гендерных диссидентах

Еще в советское время те стратегии поведения, которые не соответствовали распространенным гендерным контрактам, то есть правилам взаимодействия прав и обязанностей, определяющих разделение труда по признаку пола в сферах производства и воспроизводства¹³, подвергались негативным социальным санкциям и воспринимались в качестве девиантных¹⁴. Все гендерные контракты, распространенные что в позднесоветское время, что в 1990-е годы, нормировали

¹³ Здравомыслова Е. А., Темкина, А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – № 1–3(4). – С. 299–321.

¹⁴ Темкина А. А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России / А. А. Темкина, А. Роткирх // Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. – 169–200 с.

не только деятельность, но и форму чувствования: предполагали возникновение романтических отношений и сексуального влечения к лицам противоположного пола. Кроме того, без соответствия этому была невозможна полноценная реализация некоторых из них, например контракта «работающей матери», для которого женщина должна была иметь ребенка, а значит, точно иметь опыт гетеросексуальных отношений¹⁵. В связи с этим негетеросексуальная сексуальная ориентация автоматически становилась девиантной, а индивиды, имеющие ее, подвергались социальному исключению. Однако маргинализация негетеросексуальной ориентации, так же как и нецисгендерной идентичности, проистекала не только из их несоответствия господствующим гендерным контрактам, но и из ряда дискурсивных практик и нормативных ограничений.

В первую очередь добровольные однополые контакты между мужчинами преследовались в соответствии с уголовным законодательством в период с 1934 по 1993 год. В Российской империи первое прямое упоминание запрещения добровольных сексуальных контактов между мужчинами содержалось в Артикуле воинском Петра I¹⁶. Позднее эта норма была закреплена в статье 995 Уложения о наказаниях¹⁷. Но все изменилось с Февральской, а после — Октябрьской революций и установлением советской власти, обладающей своим, отличным от патриархального имперского, взглядом на сексуальность. В 1917 году царское законодательство было отменено, а вместе с ним — и статья 995. Однако уже в сентябре 1933 года заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода направил докладную записку И. В. Сталину, в которой сообщал о раскрытии «объединения педерастов» в Москве и в Ленинграде. Им вменялось в вину «создание сети салонов, очагов, притонов, групп и других организованных формирований педерастов, с дальнейшим превращением этих объединений в прямые шпионские ячейки»¹⁸. Эта докладная записка была прочитана И. В. Сталиным, который расценил угрозу как достаточную и утвердил

¹⁵ Здравомыслова Е. А., Темкина, А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – № 1–3(4). – С. 299–321.

¹⁶ Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России / Д. Хили. – М.: Ладомир, 2008. – 620 с. – ISBN 978-5-86218-470-9.

¹⁷ Козловский В. Аргументы русской гомосексуальной субкультуры: материалы к изучению / В. Козловский. – Benson: Chalidze Publications, 1986. – 228 с.

¹⁸ Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России / Д. Хили. – М.: Ладомир, 2008. – 620 с. – ISBN 978-5-86218-470-9.

возможность внесения изменений в законодательство. Уже 16 декабря 1933 года возник Проект Постановления Президиума ЦИК СССР, который предполагал введение наказания за добровольное мужеложество в виде заключения на срок до пяти лет, а в случае применения насилия — восьми лет. 7 марта 1934 года Постановление было обнародовано, и в скором времени соответствующая статья возникла в Уголовных кодексах союзных республик, в том числе РСФСР¹⁹.

Уголовная статья за добровольные однополые контакты между мужчинами просуществовала с 1934 по 1993 год и была отменена лишь в «современной» России. В сумме по статье, по подсчетам Владимира Володина, было осуждено более 38 тысяч человек, большая часть из которых была приговорена на территории РСФСР²⁰. Определенная доля из этого списка приходилась на второй пункт статьи 121 УК, которая предполагала наказание за принуждение к совершению сексуального контакта, однако установить точное соотношение осужденных по различным пунктам не представляется в настоящий момент возможным из-за недоступности ряда данных. Негетеросексуальная ориентация подвергалась криминализации и освещалась в рамках криминализирующего дискурса, который понимал гомосексуальность в качестве преступления, которое было опасно для правопорядка, установленного в советском государстве.

Во-вторых, негетеросексуальная ориентация и нецигендерная идентичность освещались в рамках дискриминирующего медиализирующего дискурса. Еще в 1920-е годы одни психиатры стремились объяснить происхождение гомосексуальности через гормональные и психические аномалии, а другие настаивали на нормальности однополного влечения²¹. В позднейшие годы медиализирующий дискурс продолжал распространяться. В 1960-е годы было опубликовано несколько книг о сексуальности, в которых гомосексуальность описывалась патологизирующим образом. Так, в одном из первых пособий, как сообщает Рустам Александер, в переводе книги восточногерманского специалиста Рудольфа Нойберта «Любовь и секс» однополое влечение объяснялось или результатом совращения, или преступной деятельностью, или

---

¹⁹ Там же.

²⁰ Valodzin V. Criminal prosecution of homosexuals in the Soviet Union (1946-1991): numbers and discourses / V. Valodzin // EUI NEC: Working Paper. – 2020. – № 02. – 9-11 p.

²¹ Ролдугина И. «Почему мы такие люди?»: Раннесоветские гомосексуалы от первого лица: новые источники по истории гомосексуальных идентичностей в России / И. Ролдугина // Ab Imperio. – № 2. – С. 183–216.

ментальными проблемами²². А в 1970-е годы психиатр А. М. Свядош в работе «Женская сексопатология» описывал возможность «лечения» гомосексуальности с помощью психиатрических методов и медикаментозного лечения²³.

При этом нельзя сказать, что выделенный криминализирующий и патологизирующий дискурс конкурировали друг с другом в советском дискурсивном пространстве. Скорее они образовывали не противоречащий гегемонный экспертный дискурс, в котором «гомосексуализм» одновременно понимался в качестве и болезни, и опасного преступления.

Нецисгендерная гендерная идентичность, не вписывающаяся в гендерные контракты, также подлежала маргинализации. Но, в отличие от негетеросексуальной ориентации, такая идентичность чаще всего не подлежала освещению и умалчивалась, что делало ее скорее не существующей. В тех немногих случаях, когда о ней сообщалась какая-либо информация, она сообщалась в медиализирующем ключе в специализированной литературе. Можно сказать, что в таком случае гегемонная власть действовала не как актор производства знания, а, напротив, как то, что может ограничить и лимитировать распространение информации. Отсутствие упоминаний нецисгендерной идентичности приводило к возникновению дискурсивного вакуума и реализации не власти-знания, но власти-незнания — ситуации, в которой производство дискурса о субъекте, создание необходимого языка говорения и способов формулирования собственной идентичности оказывались табуированы или сильно усложнены. В таком случае именно производимое дискурсивное незнание становилось орудием власти и способом маргинализации. Как отмечает Джудит Батлер: «Области политической и языковой „репрезентации“ заранее устанавливают критерии, в соответствии с которыми формируются субъекты как таковые <...>. Другими словами, прежде чем репрезентация сможет быть распространена на кого-либо, этот „кто-то“ должен удовлетворить основному требованию — „быть субъектом“»²⁴. Следовательно, нецисгендерные персоны чаще, чем даже негетеросексуальные персоны, не имели языка для выражения и понимания себя, что лишало их субъектности.

²² Alexander R. *Regulating Homosexuality in Soviet Russia, 1956-1991* / R. Alexander. — Manchester: Manchester University Press, 2021. — 264 p. — ISBN 9781526155764.

²³ Там же.

²⁴ Батлер Дж. *Гендерное беспокойство. Антология гендерной теории* / Дж. Батлер. — Минск: Прописи, 2000. — 272 с. — ISBN 978-5-907183-47-6.

Частный архив²⁵ в городе Москве как источник данных по формированию альтернативного дискурса

Исследованный частный архив (далее и в списке источников — АЛГ) — индивидуальное собрание, включающее в себя так называемую квир-прессу (или квир-самиздат): научные, художественные издания, а также вырезки из газет и журналов, которые затрагивают тему негетеросексуальной ориентации или нецисгендерной идентичности. Идея для создания подобного собрания возникла еще в начале 1990-х годов, после того как его владелица решила восполнить существовавший в советское время дефицит информации о сообществе²⁶. Примерно в 1991–1992 годах в архиве стали появляться первые книги и статьи, а в 1995 году он на непродолжительное время стал частью правозащитной организации «Треугольник», учрежденной 4 мая 1995 года²⁷. Уже осенью основанное общество стало испытывать сложности с арендой помещения и финансированием²⁸, что привело к его закрытию в 1996 году²⁹. В 1997 году удалось получить частные пожертвования, на которые была снята однокомнатная квартира для размещения архива и библиотеки. Она стала открытой для посещения раз в неделю, по четвергам, для всех желающих — как для представителей сообщества, так и для журналистов, исследователей, интересующихся³⁰. В 2004 году собрание было перемещено на личную квартиру владелицы, на которой оно находилось после этого длительное время.

В настоящее время суммарно в архиве хранится более тысячи экземпляров книг, более 160 наименований квир-периодики постсоветского пространства и более 1800 вырезок и публикаций из общей прессы. Газеты и вырезки архива хранятся в коробках и папках, каждая из которых подписана названием тематического раздела. Книги

²⁵ Точное местоположение архива, а также личная информация о его владельце не разглашается по соображениям конфиденциальности коллекции.

²⁶ Батлер Дж. Гендерное беспокойство. Антология гендерной теории / Дж. Батлер. — Минск: Прописки, 2000. — 272 с. — ISBN 978-5-907183-47-6.

²⁷ АЛГ. (n.d.). Папка: Треугольник. Л. 1. Протокол № 1.

²⁸ Там же.

²⁹ АЛГ. (n.d.). Папка: Треугольник. Евгенийев, К. Конец Треугольника. 24 часа, 1, 41–42.

³⁰ Кирсанов В. Русские геи, лесбиянки и транссексуалы / В. Кирсанов. — Тверь: Kolonna Publications, 2005. — 584 с. — ISBN 978-5-902333-04-3.

разделяются тематически и расставляются в шкафах. В каталогах книги записываются в алфавитном порядке. Значительная часть материалов, особенно из второй и третьей категорий, оцифрована и систематизирована в виде папок.

Для достижения цели проведенного исследования была сформирована выборка квир-прессы, включавшая в себя около 200 экземпляров газеты, датированных периодом с 1990 по 1999 год. Эти издания не были каталогизированы в архиве ранее, поэтому в рамках подготовительного этапа исследования был составлен первый подробный каталог периодики, представленной в собрании. Итоговая выборка, которая была проанализирована для достижения целей исследования, включила в себя 115 выпусков из 24 изданий.

Методы дискурсивного производства «нормального субъекта»

Как уже говорилось ранее, сексуально-гендерные диссиденты стали использовать возможности дискурсивного плюрализма в 1990-е годы для того, чтобы противостоять маргинализации криминализирующего и медиализирующего дискурсов. Подобные действия попадают под определение «управления стигмой», которое становится особенно актуальным в ситуациях, когда стигма является «невидимой», то есть не очевидной для окружающих³¹. Признание в наличии стигматизированной идентичности получило название «модель процесса раскрытия» (*disclosure processes model*), включающую в себя такие этапы, как цели, раскрытие идентичности и реакция, медиация, последствия³². Исследователи также выделяют несколько стратегий, среди которых: сигнализирование о наличии стигмы, нормализация и дифференциация³³. Нормализация предполагает раскрытие идентичности с преуменьшением значения ее наличия для окружающих, а дифференциация, напротив, предполагает демонстрацию

---

³¹ Chaudoir S. R. The disclosure processes model: understanding disclosure decision making and post-disclosure outcomes among people living with a concealable stigmatized identity / S. R. Chaudoir, J. D. Fisher // *Psychological Bulletin*. – 2010. – No. 136 (2). – 236–256 p. – <https://doi.org/10.1037/a0018193>.

³² Там же.

³³ Clair J. A. (2005). Out of sight but not out of mind: Managing invisible social identities in the workplace / J. A. Clair, J. E. Beatty, T. L. Maclean // *Academy of Management Review*. – 2005. – No. 30(1). – 83–99 p. – <https://doi.org/10.5465/amr.2005.15281431>.

индивидом в первую очередь его отличности от окружающих и акцентирование внимания на этом³⁴.

Именно процесс раскрытия и дестигматизации своей идентичности и демонстрирует дискурс квир-прессы, выстраиваемый вокруг адвокации негетеросексуальной ориентации и нецисгендерной идентичности.

Ключевой точкой дискурса становилась *сама «гомосексуальность»*, для дестигматизации которой нужно было создать иное понимание в первую очередь причин появления и развития такого влечения. В советское время эта узловая точка определялась как «гомосексуализм» и описывалась как связанная с противоестественным развитием психики и «тлетворным» влиянием среды. Для иллюстрации этого можно обратиться к содержанию дискурса в Большой Советской Энциклопедии, служившей источником авторитетного экспертного дискурса:

Гомосексуализм (от Гомо... и лат. *sexus* — „пол“) — половое извращение, заключающееся в противоестественном влечении к лицам своего пола. Встречается у лиц обоего пола. В уголовном праве СССР, социалистических стран, а также некоторых буржуазных государств установлено наказание за Г.³⁵

Происхождение Г. связано с социально-бытовыми условиями. У подавляющего большинства лиц, предающихся Г., эти извращения прекращаются, как только субъект попадает в благоприятную социальную обстановку. Исключение составляют психопатические личности, умственно неполноценные и психически больные³⁶.

Такое обоснование возникновения негетеросексуальной ориентации приводило к стигматизации гомосексуальных и бисексуальных людей, которая лишь подкреплялась существованием ст. 121 УК РСФСР. Внутри квир-прессы узловая точка «гомосексуализм» вначале получила иное, нестигматизированное название — «гомосексуальность», а потом обрела связь с моментами, не присутствовавшими в дискурсе ранее.

Создавая альтернативный дискурс, квир-персоны использовали несколько дискурсивных стратегий для того, чтобы объяснить при-

³⁴ Там же.

³⁵ Гомосексуализм. (н.д.). В Большая Советская энциклопедия (3-е изд., Т. 7).

³⁶ Гомосексуализм. (1952). В *Большая Советская энциклопедия* (2-е изд., Т. 12). М.

МЕТОДЫ ДИСКУРСИВНОГО ПРОИЗВОДСТВА «НОРМАЛЬНОГО СУБЪЕКТА» И ПРАКТИКИ ДЕСТИГМАТИЗАЦИИ

чины возникновения и развития гомосексуальности и внедрить дискурс, не связывающий гомосексуальность с преступностью/болезнью. Эти альтернативные стратегии могут быть классифицированы следующим образом:

Биодетерминистская самоадвокация: моменты «генетика» («гены»), «семья».

Эссенциалистская самоадвокация: моменты «природа» («естественность», «законы гармонии», «тайное происхождение»), «неизменность» («отсутствие выбора»).

Самоадвокация через влияние окружения: моменты «семья», «травма», «воспитание», «страх противоположного пола».

Самоадвокация через нормальность: моменты «сексуальные нормы», «распространенность» (присутствие у многих), «историчность» (существование в разные периоды истории), «изменчивость».

Первые две стратегии предполагали обращение к основаниям, которые для упрощения анализа можно назвать в соответствии с существующими в гендерных исследованиях терминами «*биологическим*» и «*эссенциалистским*» (внеисторическим и универсальным³⁷)³⁸. Эти стратегии не были новаторством, появившемся в 1990-е годы. Напротив, еще в 1920-е годы советские психологи и психиатры старались объяснить возникновение гомосексуального влечения через влияние гормонов или генетики³⁹. Уже в 1973 году сексолог А. М. Свядош разработал теорию, объясняющую влияние мозговых центров на развитие «отклоняющейся» сексуальной ориентации⁴⁰. Однако в результате анализа установлено, что в 1990-е годы авторы заметок в квир-прессе не обращались к гормональным или когнитивным объяснениям, но рассуждали о генетической природе гомосексуальности:

³⁷ Здравомыслова Е. А. 12 лекций по гендерной социологии / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 768 с. – ISBN 978-5-94380-196-9.

³⁸ Хайнс С. Может ли гендер меняться? / С. Хайнс. – М.: AdMaringem, 2019. – 144 с. – ISBN: 978-5-91103-483-2.

³⁹ Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России / Д. Хили. – М.: Ладомир, 2008. – 620 с. – ISBN 978-5-86218-470-9.

⁴⁰ Там же.

«Все свершилось еще до рождения, на генетическом уровне <...>»⁴¹. Чаще, чем апелляция к конкретным факторам наследственности, встречается объяснение через «естественность» гомосексуальности, которая так или иначе заложена самой природой.

Артикулируемая таким образом в дискурсе эссенциалистская позиция существует в дискурсе адвокации квир-сообщества до сих пор, однако активно подвергается критике внутри как активистского, так и академического сообществ. Так, в статье Энн Филлипс «Что не так с эссенциализмом?» исследователь последовательно критикует четыре проявления эссенциалистских позиций, показывая их несостоятельность⁴². Однако эссенциалистское и биодетерминистское объяснения обладали большим значением для выстраивания самоадвокации сообщества в 1990-е годы, так как они позволяли сделать сексуальную ориентацию чем-то сходным с цветом кожи или леворукостью, то есть неизменной, а значит, так или иначе требующей принятия от окружающих, характеристикой. Иногда подобные аналогии проводились в дискурсе в буквальном смысле: «*Правда состоит в том, что мы выбираем нашу сексуальность не больше, чем цвет глаз или форму носа*»⁴³.

Исторически подобная точка зрения стояла у истоков стратегий адвокации квир-сообщества. Еще в 1890-е годы сексолог М. Хиршфельд выступал против 175-го параграфа Уголовного кодекса Германии, апеллируя к врожденности гомосексуального влечения⁴⁴. Сходной позиции придерживалось и основанное в начале XX века Британское общество изучения физиологии секса⁴⁵. Уже в 1950-е годы первые американские гомофильные организации, «Общество Маттачин» и «Дочери Билитис», как отмечает Аннамари Джагоз, «даже репрезентировали гомосексуалистов как больных людей, утверждая, что поскольку гомосексуальность есть врожденное качество, то гомосексуалисты заслуживают скорее жалости, чем преследования»⁴⁶. В результате в таком использовании эссенциализма и биологического детерминизма проявлялись его продуктивные свойства как

⁴¹ АЛГ. (1993). Папка: Гей-диалог. № 1. Хлопотова, О. Интервью с В. Климовым.

⁴² Phillips A. What's wrong with Essentialism? *Scandinavian Journal of Social Theory* / A. Phillips. – 2010. – No. 11(1). – 47–60 p. – <https://doi.org/10.1080/1600910X.2010.9672755>.

⁴³ АЛГ. (1992). Папка: Риск. № 10. Беллсторф, Т. Говоря правду, 10.

⁴⁴ Джагоз А. Введение в квир-теорию / А. Джагоз. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 208 с. – ISBN 978-5-88373-071-8.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

дискурсивной стратегии. Как отмечают Ник Хаслам и Шери Леви, эссенциализм помогал обеспечивать толерантность, но приводил к закреплению стереотипов⁴⁷. Более современные исследования показывают, что люди могут выборочно эссенциализировать противоречивые убеждения и чувства человека, чтобы сделать их более соответствующими собственной позиции справиться с внутренним противоречием⁴⁸. Некоторые исследователи установили, что убежденность в неизменности и биологической обоснованности гомосексуальности связана с более позитивным отношением к гомосексуальным мужчинам и женщинам⁴⁹.

При этом эссенциалистский и биодетерминистский дискурсы в 1990-е годы не были напрямую заимствованы из американского движения. Скорее они были сформированы самими сексуально-гендерными диссидентами на базе и уникального исторического опыта сообщества в Российской империи и РСФСР, и особенностей локального контекста: предшествующий медиализирующий взгляд на гомосексуальность, исследование о природе идентичности и сексуальности в 1920-е годы. По итогу подобный биодетерминистский и эссенциалистский дискурсы во многом были более привычны и знакомы рядовому читателю, который мог быть ранее осведомлен о психиатрическом понимании гомосексуальности как перверсии. Длительное время разговор о сексе в СССР существовал во многом лишь внутри медиализирующего дискурса сексопатологии, рассматривающего решение проблем с сексом как ключ к решению проблем внутри советской семьи⁵⁰. В связи с этим разговор о сексуальности в целом и о гомосексуальности в частности через биологические термины был ближе читателю,

---

⁴⁷ Haslam N. Essentialist beliefs about homosexuality: Structure and implications for prejudice / N. Haslam, S. Levy // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2006. – № 32. – 471–485 p. – <https://doi.org/10.1177/0146167205276516>.

⁴⁸ Ryazanov A. The strategic value of essentialism / A. Ryazanov, N. J. S. Christenfeld // *Social and Personality Psychology Compass*. – 2018. – № 2 (1) – 1–15 p. – <https://doi.org/10.1111/spc3.12370>.

⁴⁹ Whitley B. E. The relationship of heterosexuals' attributions for the causes of homosexuality to attitudes toward lesbians and gay men / B. E. Whitley // *Personality and Social Psychology Bulletin* – 1990. – № 16. – 369–377 p. – <https://doi.org/10.1177/0146167290162016>; Herek G. M. Black heterosexuals' attitudes toward lesbians and gay men in the United States / G. M. Herek, J. P. Capitanio // *Journal of Sex Research*. – 1995. – No. 32. – 95–105 p. – <https://doi.org/10.1080/00224499509551780>.

⁵⁰ Alexander R. *Regulating Homosexuality in Soviet Russia, 1956-91* / R. Alexander. – Manchester: Manchester University Press, 2021. – 264 p. – ISBN 9781526155764.

чем заимствование более либерального дискурса, существовавшего в 1990-е годы в других странах.

Во время анализа эссенциалистского и биодетерминистского дискурсов было установлено, что основное их отличие от медиализирующего дискурса заключалось во взгляде на возможность «исправить» сексуальную ориентацию. Советские сексопатологи, что в 1960-е, что в 1970-е годы рассматривали гомосексуальность как изменяемое влечение⁵¹, в то время как авторы квир-прессы 1990-х делают из нее неизменное свойство, используя это для адвокации права сообщества на существование.

Также можно заметить, что используемая эссенциалистская и биодетерминистская стратегии отсылали и к психоаналитическому дискурсу, в котором также формулировалась идея о нормальности и естественности влечения как к людям своего, так и иного пола. В упрощенном виде эта идея транслировалась и в квир-прессе, иногда с прямой отсылкой к работам Зигмунда Фрейда:

Да, да, именно ему, любимому, благодаря Фрейду. Как вы помните, все люди по природе [природу] бисексуальны. И если кто-то из мужчин не успел открыть в себе нежность, значит, не пришло время, значит, не встретил он „его, того в толпе“⁵².

При этом рецепция психоаналитического дискурса в целях адвокации была достаточно фрагментарной и включала в себя заимствование идеи об изначальной бисексуальности людей, итоговое влечение которых определяется только во время индивидуального развития⁵³. Однако при этом игнорировалось развитие этой мысли самим З. Фрейдом, который считал гомоэротизм извращением и нарушением сексуального влечения, вызываемым различными психическими травмами⁵⁴. Воспроизведение этой части психоаналитического дискурса только укрепляло бы устоявшуюся медиализацию гомосексуальности, поэтому в целях нормализации однополого влечения, вероятно, рецепция психоаналитического дискурса происходила лишь в тех частях, где это работало на разрушение стигмы.

---

⁵¹ Там же.

⁵² АЛГ. (1997). Папка: Импульс. № 1. Лазаренко, В. Вернисаж, 10.

⁵³ Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности / З. Фрейд. – М.: АСТ, 2022. – 320 с. – ISBN: 978-5-17-133488-8.

⁵⁴ Кон Л. Лунный свет на заре: лики и маски однополой любви / Л. Кон. – М.: Олимп, 1998. – 496 с.

Еще одна стратегия выстраивалась на формировании убеждения у читателя *в нормальности гомосексуальной ориентации* и «нормальности» пар, создаваемых геями и лесбиянками. В последнем случае авторы материалов старались продемонстрировать, что союз между двумя мужчинами или женщинами ничем не отличается от таких же гетеросексуальных партнерств: *«Типичная геевская пара, живущая вместе, является точно такой же семьей, как и всякая другая женатая пара»*⁵⁵. Также нормальность негетеросексуального влечения объяснялась через пластичность и изменчивость самой сексуальности⁵⁶ или его полное соответствие универсальным сексуальным нормам⁵⁷. Эта стратегия уже была лишена прямого переноса ответственности с человека в его гомосексуальности на внешние факторы (природу, генетику, обстоятельства взросления и жизни). Однако ее суть заключалась в выстраивании параллели между гомосексуальными и «нормальными» людьми, которые фактически становились неким условным ориентиром, в соответствии с которым описывалась непатологичность и неопасность гомосексуального человека. Аналогичным способом уже упомянутые выше гомофильные организации старались также выстроить образ собственной нормальности, описывая себя как образцовых граждан, отличающихся лишь в своих «сексуальных предпочтениях»⁵⁸.

Практически не встречается стратегия адвокации, широко распространенная в квир-сообществе, например, в США к 1990-м годам. В ней ключевая апелляция происходит к либеральным ценностям, предоставляющим человеку широкую свободу для самоопределения. В освободительном гей-движении, получавшем все более широкое распространение после Стоунволлского бунта 1969 года, гомосексуальность рассматривалась как потенциально поддающаяся трансформации идентичность⁵⁹. В таком случае сексуальное поведение человека становилось в большей степени его личным выбором, а сами гомосексуальные люди уже не должны были соответствовать критериям «порядочного гражданина» для того, чтобы быть признанными⁶⁰. Однако

⁵⁵ АЛГ. (1993). Папка: Ты. № 2, 22.

⁵⁶ АЛГ. (1993). Папка: Гей, славяне, 19.

⁵⁷ АЛГ. (1992). Папка: Сибирский вариант. № 2.

⁵⁸ Джагоз А. Введение в квир-теорию / А. Джагоз. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 208 с. – ISBN 978-5-88373-071-8.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

в просмотренной российской квир-прессе 1990-х годов подобная точка зрения напрямую была высказана лишь единожды и, что интересно, не автором соответствующей научнообразной статьи, а респонденткой, опрошенной во время подготовки материала «Наши голоса»:

Для меня, конечно, [гомосексуальность —] свободный выбор.
Что ты можешь выбирать, с кем ты хочешь быть, с женщиной или с мужчиной, что у тебя, женщины, в центре жизни⁶¹.

В результате анализа можно заключить, что фактически выстраивание дискурса самоадвокации происходило по типу нормализации в модели управления стигмой, так как оно предполагало раскрытие информации о гомосексуальности как вариации «нормального» и «естественного»⁶². При этом в то же самое время квир-сообщество в США выстраивало собственную самоадвокацию в соответствии со стратегией дифференциации, то есть демонстрации в первую очередь отличности от окружающих и собственной уникальности⁶³. Так, Аннамари Джагоз отмечает, что «гей-либерационисты сформулировали и пропагандировали нарратив „каминг-аута“ („выхода“) <...> как мощное средство социальной трансформации», а некоторые бюллетени организаций носили такие заголовки, как «А ты горд тем, что ты гей?»⁶⁴. В постсоветской квир-прессе риторика возможной гордости за причастность к сообществу встречалась, однако чаще всего принимала форму обращения к историческому мифу о комьюнити и акцентировании внимания на своеобразной элитарности квир-персон. В проанализированной прессе можно встретить упоминание таких участников «воображаемого сообщества»⁶⁵, как Мартина Навратилова, София Парнок, Марина Цветаева, Надежда Дурова (Александр Александров), Василий Розанов, Жан Жене, Петр Ильич Чайковский, Михаил Лермонтов, Александр Пушкин, Петр I, Михаил Кузьмин, Евгений Харитонов, Фредди Меркьюри и другие. Такое воображаемое сообщество, с одной стороны, создавало ощущение причастности к комьюнити, включающему в себя в том числе

⁶¹ АЛГ. (1998). Папка: Лабрис. № 1. Наши голоса, 8.

⁶² Formby E. Exploring LGBT Spaces and Communities: Contrasting Identities, Belongings and Wellbeing / E. Formby. – New York: Routledge, 2017. – 228 p. – ISBN: 9781315747798.

⁶³ АЛГ. (1998). Папка: Лабрис. № 1. Наши голоса, 8.

⁶⁴ Джагоз А. Введение в квир-теорию / А. Джагоз. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 208 с. – ISBN 978-5-88373-071-8.

⁶⁵ Formby E. Exploring LGBT Spaces and Communities: Contrasting Identities, Belongings and Wellbeing / E. Formby. – New York: Routledge, 2017. – P.6.

выдающихся деятелей искусства, литературы или спорта⁶⁶. С другой стороны, упоминание признанных талантов в этих сферах работало и на нормализацию гомосексуальности, приведение примера «хороших» и «успешных» негетеросексуальных персон.

Однако призывы к манифестации собственной сексуальной ориентации или гендерной идентичности печатались значительно реже и включали в себя описание важности постепенной подготовки «каминг-аута» и безопасности этого шага для самого человека и его близких⁶⁷. Такое смещение акцента может быть объяснено тем, что в советской реальности раскрытие маргинализованной идентичности часто было связано с повышенными рисками, тем более для гомосексуальных мужчин, влечение которых преследовалось по Уголовному кодексу. Так, еще Франческа Стелла в монографии *Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia* отмечает, что каминг-аут рассматривался как небезопасный и часто ненужный поступок, который мог поставить под угрозу их стабильную и предсказуемую жизнь⁶⁸. Некоторая невидимость, в котором существовало сообщество, выступала в каком-то смысле и гарантом большей свободы внутри «серого» пространства, спрятанного от надзора и власти, и общества. Возможно, некоторым наследием этого стремления стало использование в первую очередь стратегии дискурсивной нормализации, а не дифференциации, приводящей к большему противопоставлению социуму и более яркому вызову устоявшимся социальным нормам.

Можно заключить, что проанализированный альтернативный и нормализующий дискурс самиздат-прессы гендерных диссидентов обеспечивает представлением о процессе формирования новых дискурсивных стратегий в транзитный период, в том числе в отношении гендерного порядка. В соответствии с парадигмой посттранзитных исследований, можно заметить, что создаваемый гендерными диссидентами дискурс не воспроизводил существующие и теперь доступные им западноевропейские и американские аналоги. Напротив, дискурс представлял собой мозаику, составленную из многих элементов. Среди них были, к примеру, более адаптированные к локальному

---

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Clair J. A. Out of sight but not out of mind: Managing invisible social identities in the workplace / J. A. Clair, J. E. Beatty, T. L. Maclean // *Academy of Management Review*. – 2005. – No. 30 (1). – 83–99 p. – <https://doi.org/10.5465/amr.2005.15281431>.

⁶⁸ Stella F. *Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia* / F. Stella. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – 189 p. – ISBN 978-1-137-32123-7.

контексту стратегии самоадвокации через нормализацию, биодетерминистского или эссенциалистского толка, доступные читателю в том числе и через его взаимодействие с патологизирующим дискурсом психиатрии. Также элементом дискурса становились и практики, свойственные скорее советской эпохе: написание коллективных обращений к лидеру государства и представителям власти, положительное освещение В. И. Ленина и его деятельности. Другими компонентами этой мозаики были образцы, заимствованные с Запада, но иначе инкорпорированные в локальный контекст. Те альтернативные стратегии, которые вырабатывали авторы прессы, представленной в архиве, нельзя расценивать ни в качестве кардинального разрыва с советским прошлым, ни в качестве полной рецепции наработанных зарубежных образцов. Гендерные диссиденты создавали альтернативный дискурс по-своему, стараясь выработать стратегию дестигматизации и сформировать сообщество, которое представляло бы собой нечто иное, чем то, к чему они принадлежали раньше.

Возможно, мозаичный характер этого дискурса и его фрагментарность, так же как и негомогенность активистского сообщества издателей и слабость связей между отдельными авторами и издателями квир-прессы, привели к тому, что сформированный альтернативный дискурс самоадвокации не приобрел такого политического и, собственно, дискурсивного влияния, на которое рассчитывали активисты и члены комьюнити. Конечно, дополнительное негативное воздействие на потенциал альтернативного дискурса к нормализации идентичностей оказывали и исторические обстоятельства, и принимаемые государством решения. Но и сам дискурс, созданный в 1990-е годы, имел существенные ограничения и определенную уникальность, которая не позволяла стратегии управления стигмой стать действенным для всех членов сообщества инструментом.

Библиография

1. Скребцова Т. Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика. Курс лекций / Т. Г. Скребцова. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 312 с. – ISBN 978-5-907290-15-0.
2. Stoddart M. C. J. Ideology, hegemony, discourse: A critical review of theories of knowledge and power / M. C. J. Stoddart // *Social Thought & Research*. – 2007. – No. 28. – P. 191–225. – <https://doi.org/10.17161/STR.1808.5226>.

3. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хархордин. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с. – ISBN 978-5-94380-078-8.

4. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с. – ISBN 5-85374-006-7.

5. Батлер Дж. Имитация и гендерное неподчинение / Дж. Батлер // Техника «косого взгляда». Критика гетеронормативного порядка / Градинари И. (сост.). – М.: Издательство Института Гайдара, 2015. – С. 77–119. – ISBN 5-91129-410-4.

6. Карл Т. Л. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) / Т. Л. Карл, Ф. Шмиттер // Полис. Полит. исслед. – 2004. – № 4. – С. 6–27. – <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.04.02>.

7. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. Юрчак. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с. – ISBN 978-5-4448-0190-1.

8. Темкина А. А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России / А. А. Темкина, А. Роткирх // Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. – 169–200 с.

9. Здравомыслова Е. А., Темкина, А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – № 1–3(4). – С. 299–321.

10. Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России / Д. Хили. – М.: Ладомир, 2008. – 620 с. – ISBN 978-5-86218-470-9.

11. Козловский В. Арго русской гомосексуальной субкультуры: материалы к изучению / В. Козловский. – Benson: Chalidze Publications, 1986. – 228 с.

12. Valodzin V. Criminal prosecution of homosexuals in the Soviet Union (1946-1991): numbers and discourses / V. Valodzin // EUI NEC: Working Paper. – 2020. – No. 02. – 9–11 p.

13. Ролдугина И. «Почему мы такие люди?»: Раннесоветские гомосексуалы от первого лица: новые источники по истории гомосексуальных идентичностей в России / И. Ролдугина // Ab Imperio. – № 2. – С. 183–216.

14. Alexander R. Regulating Homosexuality in Soviet Russia, 1956-1991

/ R. Alexander. – Manchester: Manchester University Press, 2021. – 264 p. – ISBN 9781526155764.

15. Батлер Дж. Гендерное беспокойство. Антология гендерной теории / Дж. Батлер. – Минск: ПроPILEI, 2000. – 272 с. – ISBN 978-5-907183-47-6.

16. Violett C. Des Archives gay et lesbiennes à Moscou. – *Ex aequo*, 1999. – 25, 24.

17. АЛГ. (n.d.). Папка: Треугольник. Л. 1. Протокол № 1.

18. АЛГ. (n.d.). Папка: Треугольник. Евгеньев, К. Конец Треугольника. 24 часа, 1, 41-42.

19. Кирсанов В. Русские геи, лесбиянки и транссексуалы / В. Кирсанов. – Тверь: Kolonna Publications, 2005. – 584 с. – ISBN 978-5-902333-04-3.

20. Chaudoir S. R. The disclosure processes model: understanding disclosure decision making and post-disclosure outcomes among people living with a concealable stigmatized identity / S. R. Chaudoir, J. D. Fisher // *Psychological Bulletin*. – 2010. – No. 136 (2). – 236–256 p. – <https://doi.org/10.1037/a0018193>.

21. Clair J. A. Out of sight but not out of mind: Managing invisible social identities in the workplace / J. A. Clair, J. E. Beatty, T. L. Maclean // *Academy of Management Review*. – 2005. – No. 30 (1). – 83–99 p. – <https://doi.org/10.5465/amr.2005.15281431>.

22. Гомосексуализм. (н.д.). Большая Советская энциклопедия (3-е изд., Т. 7).

23. Гомосексуализм. (1952). Большая Советская энциклопедия (2-е изд., Т. 12).

24. Здравомыслова Е. А. 12 лекций по гендерной социологии / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 768 с. – ISBN 978-5-94380-196-9.

25. Хайнс С. Может ли гендер меняться? / С. Хайнс. – М.: AdMaringem, 2019. – 144 с. – ISBN: 978-5-91103-483-2.

26. АЛГ. (1993). Папка: Гей-диалог. № 1. Хлопотова, О. Интервью с В. Климовым.

27. Phillips A. What's wrong with Essentialism? *Scandinavian Journal of Social Theory* / A. Phillips. – 2010. – No. 11(1). – 47–60 p. – <https://doi.org/10.1080/1600910X.2010.9672755>.

28. АЛГ. (1992). Папка: Риск. № 10. Беллсторф, Т. Говоря правду, 10.

29. Джагоз А. Введение в квір-теорию / А. Джагоз. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 208 с. – ISBN 978-5-88373-071-8.

30. Haslam N. Essentialist beliefs about homosexuality: Structure and implications for prejudice / N. Haslam, S. Levy // *Personality and*

Social Psychology Bulletin. – 2006. – № 32. – 471–485 p. – <https://doi.org/10.1177/0146167205276516>.

31. Ryazanov A. The strategic value of essentialism / A. Ryazanov, N. J. S. Christenfeld // Social and Personality Psychology Compass. – 2018. – № 2 (1) – 1–15 p. – <https://doi.org/10.1111/spc3.12370>.

32. Whitley B. E. The relationship of heterosexuals' attributions for the causes of homosexuality to attitudes toward lesbians and gay men / B. E. Whitley // Personality and Social Psychology Bulletin – 1990. – № 16. – 369–377 p. – <https://doi.org/10.1177/0146167290162016>.

33. Herek G. M. Black heterosexuals' attitudes toward lesbians and gay men in the United States / G. M. Herek, J. P. Capitanio // Journal of Sex Research. – 1995. – No. 32. – 95–105 p. – <https://doi.org/10.1080/00224499509551780>.

34. АЛГ. (1997). Папка: Импульс. № 1. Лазаренко, В. Вернисаж, 10.

35. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности / З. Фрейд. – М.: АСТ, 2022. – 320 с. – ISBN: 978-5-17-133488-8.

36. Кон Л. Лунный свет на заре: лики и маски однополой любви / Л. Кон. – М.: Олимп, 1998. – 496 с.

37. АЛГ. (1993). Папка: Ты. № 2, 22.

38. АЛГ. (1993). Папка: Гей, славяне, 19.

39. АЛГ. (1992). Папка: Сибирский вариант. № 2.

40. АЛГ. (1998). Папка: Лабрис. № 1. Наши голоса, 8.

41. Formby E. Exploring LGBT Spaces and Communities: Contrasting Identities, Belongings and Wellbeing / E. Formby. – New York: Routledge, 2017. – 228 p. – ISBN: 9781315747798.

42. АЛГ. (1994). Папка: Пробуждение. № 10. Например, выход из подполья, 3-9.

43. Stella F. Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia / F. Stella. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – 189 p. – ISBN 978-1-137-32123-7.

Бауман З. Ретроопия. М.: ВЦИОМ, 2019.

Methods of discursive production of the «normal subject» and practices of destigmatization using the example of samizdat press of gender dissidents in 1989–1999

A. V. Golovina — Research Intern, Center for Applied History, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), e-mail: golovina-av@ranepa.ru,

ORCID: 0000-0002-0310-1128

Key words: discourse, discursive practices, normalization, the nineties, gender regime, sexual and gender dissidents

In historiography, the nineties are often viewed as the so-called «transitional» or transit period, during which not only the political and economic sphere, but also the discursive space underwent a radical transformation. Within it, norms, through the power-knowledge of the hegemonic discourse, had to be replaced by a greater pluralism of positions, including in the sphere of gender relations, for example, due to a more liberal attitude to the topic of sexuality and corporality. One of the resources for the formation of a new discourse related to gender issues was the samizdat press, which became widespread in the 1990s. For representatives of previously marginalized communities, for example, sexual and gender dissidents, such a press became a space for the discursive formation of a new, non-marginalized identity and a place for the development of an alternative discourse. The article presents the results of the analysis of 115 copies of samizdat press of sexual and gender dissidents using the discourse analysis of Laclau and Mouffe, as well as the critical discourse analysis of N. Fairclough. As a result of the source analysis, the nodal points of the discourse of such press were determined, among which the following points can be distinguished: «homosexuality», «community», «West», «criminal prosecution». For each of the points, key signs were identified, as well as concepts related

to the formation of identity and social group. The article presents the results for the nodal point «homosexuality», since it became the main discursive space for the formation of an alternative discourse. The main conclusion is that destigmatization was implemented according to the type of normalization in the stigma management model, while a similar community in the United States built its own self-advocacy in accordance with the differentiation strategy.

Acknowledgments: Elena Miskova and Maryana Arkhipova for their help and support in working with the topic of practices of marginalization of sexual and gender dissidents in the late Soviet period and in the 1990s. And also to the owner of a private Archive who provided sources for analysis.

References

1. Skrebtsova T. G. *Lingvistika diskursa: struktura, semantika, pragmatika. Kurs lekcij [Discourse linguistics: structure, semantics, pragmatics. Course of lectures]* / T. G. Skrebtsova. – Moscow: Izdatel'skij dom YASK, 2020. – 312 p. – ISBN 978-5-907290-15-0. (In Russian)
2. Stoddart M. C. J. *Ideology, hegemony, discourse: A critical review of theories of knowledge and power* / M. C. J. Stoddart // *Social Thought & Research*. – 2007. – No. 28. – P. 191–225. – <https://doi.org/10.17161/STR.1808.5226>.
3. Volkov V. V., Kharkhordin O. V. *Teoriya praktik [Theory of Practices]* / V. V. Volkov, O. V. Kharkhordin. – St. Petersburg: Izdatel'stvo evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2008. – 298 p. – ISBN 978-5-94380-078-8. (In Russian)
4. Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti [Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works of Various Years]* / M. Foucault. – Moscow: Kastal', 1996. – 448 p. – ISBN 5-85374-006-7. (In Russian)
5. Butler J. *Imitatsiya i gendernoe nepodchinenie [Imitation and gender noncompliance]* / J. Butler // *Tekhnika «kosogo vzglyada». Kritika geteronormativnogo poryadka [The technique of «oblique gaze». Criticism of the heteronormative order]* / I. Gradinari (ed.). – Moscow: Izdatel'stvo instituta Gaidara, 2015. – P. 77–119. – ISBN 5-91129-410-4. (In Russian)
6. Karl T. L., Schmitter F. *Demokratiizatsiya: kontsepty, postulaty, gipotezy (Razmyshleniya po povodu primenimosti tranzitologicheskoy*

paradigmy pri izuchenii postkommunisticheskikh transformatsiy) [Democratization: Concepts, Postulates, Hypotheses (Reflections on the Applicability of the Transitological Paradigm in Studying Post-Communist Transformations)] / T. L. Karl, F. Schmitter // *Polis. Political Studies*. – 2004. – No 4. – P. 6–27. – <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.04.02>. (In Russian)

7. Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie [Everything Was Forever, Until It Was No More. The last Soviet generation] / A. Yurchak. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 664 p. – ISBN 978-5-4448-0190-1. (In Russian)

8. Temkina A. A., Rotkirch A. Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiya v sovremennoi Rossii [Soviet Gender Contracts and Their Transformation in Contemporary Russia] / A. A. Temkina, A. Rotkirch // *Russian Gender Order: A Sociological Approach* / E. Zravomyslova, A. Temkina (eds.). – St. Petersburg: Izdat-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2007. – P. 169–200. (In Russian)

9. Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve [State Construction of Gender in Soviet Society] / E. A. Zdravomyslova, A. A. Temkina // *The Journal of Social Policy Studies*. – 2003. – No. 1–3 (4). – P. 299–321. (In Russian)

10. Healy D. Gomoseksual'noe vlachenie v revolyutsionnoi Rossii [Homosexual Desire in Revolutionary Russia] / D. Healy. – Moscow: Ladimir, 2008. – 620 p. – ISBN 978-5-86218-470-9. (In Russian)

11. Kozlovskii V. Argo russkoi gomoseksual'noi subkul'tury: materialy k izucheniu [Argot of the Russian Homosexual Subculture: Materials for Study] / V. Kozlovskii. – Benson: Chalidze Publications, 1986. – 228 p. (In Russian)

12. Valodzin V. Criminal prosecution of homosexuals in the Soviet Union (1946-1991): numbers and discourses / V. Valodzin // *EUI HEC: Working Paper*. – 2020. – No. 02. – 9–11 p.

13. Roldugina I. «Pochemu my takie lyudi?»: Rannesovetskie gomoseksualy ot pervogo litsa: novye istochniki po istorii gomoseksual'nykh identichnostei v Rossii [«Why Are We Like This?»: Early Soviet Homosexuals in the First Person: New Sources on the History of Homosexual Identities in Russia] / I. Roldugina // *Ab Imperio*. – No. 2. – P. 183–216. (In Russian)

14. Alexander R. Regulating Homosexuality in Soviet Russia, 1956–1991 / R. Alexander. – Manchester: Manchester University Press, 2021. – 264 p. – ISBN 9781526155764.

15. Butler J. Gendernoe bespokoistvo. Antologiya gendernoi teorii

[Gender trouble. Feminism and the subversion of identity] / J. Butler. – Minsk: Propilei, 2000. – 272 p. – ISBN 978-5-907183-47-6. (In Russian)

16. Violett C. Des Archives Gay et lesbiennes à Moscou. – *Ex aequo*, 1999. – 25, 24.

17. ALG. (n.d.). Папка: Треугольник. Л. 1. Протокол No. 1. (In Russian)

18. ALG. (n.d.). Папка: Треугольник. Evgen'ev, K. Konets Treugol'nika. 24 chasa, 1, 41–42. (In Russian)

19. Kirsanov V. Russkie gei, lesbianki i transseksualy [Russian Gay, Lesbian and Transsexuals] / V. Kirsanov. – Tver': Kolonna Publications, 2005. – 584 p. – ISBN 978-5-902333-04-3. (In Russian)

20. Chaudoir S. R. The disclosure processes model: understanding disclosure decision making and post-disclosure outcomes among people living with a concealable stigmatized identity / S. R. Chaudoir, J. D. Fisher // *Psychological Bulletin*. – 2010. – No. 136 (2). – 236–256 p. – <https://doi.org/10.1037/a0018193>.

21. Clair J. A. Out of sight but not out of mind: Managing invisible social identities in the workplace / J. A. Clair, J. E. Beatty, T. L. Maclean // *Academy of Management Review*. – 2005. – No. 30 (1). – P. 83–99. – <https://doi.org/10.5465/amr.2005.15281431>.

22. Gomoseksualizm [Homosexuality]. (n.d.). Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya (3-e izd., T. 7) [Great Soviet Encyclopedia (3rd ed., Vol. 7)]. (In Russian)

23. Gomoseksualizm [Homosexuality]. (1952). Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya (2-e izd., T. 12) [Great Soviet Encyclopedia (2nd ed., Vol. 12)]. (In Russian)

24. Zdravomyslova E. A. 12 lektsii po gendernoi sotsiologii [12 Lectures on Gender Sociology] / E. A. Zdravomyslova, A. A. Temkina. – St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015. – 768 p. – ISBN 978-5-94380-196-9. (In Russian)

25. Haines S. Mozhet li gender meniat'sya? [Can Gender Change?] / S. Haines. – Moscow: AdMaringem, 2019. – 144 p. – ISBN 978-5-91103-483-2. (In Russian)

26. ALG. (1993). Folder: Gay Dialogue. № 1. Khlopotova, O. Interview with V. Klimov.

27. Phillips A. What's wrong with Essentialism? *Scandinavian Journal of Social Theory* / A. Phillips. – 2010. – No. 11(1). – 47–60 p. – <https://doi.org/10.1080/1600910X.2010.9672755>.

28. ALG. (1992). Folder: Risk. No. 10. Bellstorff, T. Speaking the Truth, P. 10.

29. Dzhagoz A. Vvedenie v kvir-teoriyu [Introduction to Queer Theory] / A. Dzhagoz. – Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2008. – 208 p. – ISBN 978-5-88373-071-8. (In Russian)
30. Haslam N. Essentialist beliefs about homosexuality: Structure and implications for prejudice / N. Haslam, S. Levy // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2006. – No. 32. – P. 471–485. – <https://doi.org/10.1177/0146167205276516>. (In Russian)
31. Ryazanov A. The strategic value of essentialism / A. Ryazanov, N. J. S. Christenfeld // *Social and Personality Psychology Compass*. – 2018. – No. 2 (1). – P. 1–15. – <https://doi.org/10.1111/spc3.12370>.
32. Whitley B. E. The relationship of heterosexuals' attributions for the causes of homosexuality to attitudes toward lesbians and gay men / B. E. Whitley // *Personality and Social Psychology Bulletin* – 1990. – № 16. – 369–377 p. – <https://doi.org/10.1177/0146167290162016>.
33. Herek G. M. Black heterosexuals' attitudes toward lesbians and gay men in the United States / G. M. Herek, J. P. Capitanio // *Journal of Sex Research*. – 1995. – No. 32. – 95–105 p. – <https://doi.org/10.1080/00224499509551780>.
34. ALG. (1997). Folder: Impulse. – № 1. – Lazarenko, V. Vernissage. – P. 10. (In Russian)
35. Freud Z. Tri ocherka po teorii seksual'nosti [Three Essays on the Theory of Sexuality] / Z. Freud. – Moscow: AST, 2022. – 320 p. – ISBN 978-5-17-133488-8. (In Russian)
36. Kon L. Lunnyi svet na zare: liki i maski odnopoloj lyubvi [Moonlight at Dawn: Faces and Masks of Same-Sex Love] / L. Kon. – Moscow: Olimp, 1998. – 496 p. (In Russian)
37. ALG. (1993). Folder: You. № 2, P. 22. (In Russian)
38. ALG. (1993). Folder: Gay, Slavs, P. 19. (In Russian)
39. ALG. (1992). Folder: Siberian Variant. № 2. (In Russian)
40. ALG. (1998). Folder: Labris. № 1. Our Voices, P. 8. (In Russian)
41. Formby E. Exploring LGBT Spaces and Communities: Contrasting Identities, Belongings and Wellbeing / E. Formby. – New York: Routledge, 2017. – 228 p. – ISBN: 9781315747798.
42. ALG. (1994). Folder: Awakening. № 10. For Example, Coming Out of the Underground, P. 3–9. (In Russian)
43. Stella F. Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia / F. Stella. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – 189 p. – ISBN 978-1-137-32123-7.